

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

доктор социологических наук, заведующий
отделом социальных структур Института
социологии НАН Украины

Классовый анализ в современной социологии

Abstract

*Class analysis is studied as actual branch of sociological interpretation of social world opposite to any tendencies of its homogenization. As elements of economic order, classes are meant to be top-individual **class positions**. Sociological concept of classes deals with the concepts of **inequality, class action and conflicts**, as well as with historically subsequent formation of class identity, transformation from “class being inside itself into a class for itself” (K.Marx). Class identity is presented as a habituated ability to perceive existing social diversities.*

Социально-идеологическая унификация мира, случившаяся в начале 90-х годов, проблематизировала легитимность всех тех концептов в социологии, которые имели генетическое родство с марксизмом. Крушение государственного социализма подавляющим большинством обществоведов было отождествлено с крушением теоретического наследия Маркса. Наиболее кардинальным разрыв с этой интеллектуальной традицией оказался в бывших республиках Советского Союза, и особенно с той частью марксизма, которая трактовала движущие силы и направления эволюции истории, то есть с учением о классах, об эксплуатации и классовой борьбе.

Нельзя сказать, что подобный разрыв не был предуготовлен предшествующим развитием воззрений и конкретно-эмпирических практик исследователей в рамках “советской социологии”. По крайней мере, здесь ситуация всегда оставалась двузначной. С одной стороны, сохраняло действительность табу не то, что на ревизию, но и на творческое развитие не только традиционно марксистских понятий и концепций, но и сформулированных позже Лениным определений классов и “социальной структуры общества и власти” и мягко растолкованных “официальными интерпретаторами”. С другой стороны, первые поколения советских социологов в своих иссле-

довательских проектах и в изложении их результатов были одновременно и марксистами, и позитивистами, и символическими интеракционистами, и, наконец, структурными функционалистами. Доля ингредиентов варьировалась в каждом отдельном персональном случае, но сама смесь легко распознавалась и узнавалась, хотя публично и не признавалась.

Может быть в этом нечасто отдавали себе отчет, но в СССР прививалась американизированная версия социологии. Поскольку же эмпирически ориентированные опросы, символический интеракционизм, а также структурный функционализм не претендовали на интерпретацию движения истории, постольку американизированная версия социологии принималась за социологию вообще, то есть за науку, предмет которой исчерпывается актуальной проблемной фактичностью. Не замедлил проявиться и позитивный эффект того обстоятельства, что рассуждения о правилах, которым подчинен исторический процесс, оставались исключительной прерогативой исторического материализма. Благодаря этому советские социологи быстро овладели методикой и техникой социологического исследования, соответствующими мировому уровню.

Однако и издержки такого положения дел были вполне очевидны. В западном понимании, точнее в его европейской версии, социологом, едва ли не исключительно, является исследователь, имеющий объектом своего наблюдения общество в целом, в его синхронном и диахронном аспектах самоподдержания и самоизменения. Сосредоточенность на текущих “социальных проблемах”, доступных, будто бы, непосредственному наблюдению и фиксации, акцент на вероятной технологичности получаемых результатов и недвусмысленное обещание результативного вмешательства в социальные процессы на основании полученного знания (последнее — нередко в целях легитимации молодой научной дисциплины и обеспечения гарантий ее безопасности), — все это оборачивалось почти демонстративным дистанцированием от “общесоциологических проблем” и фактически означало забвение и уход от европейской традиции. Одновременно за пределами внимания и обсуждения оказывалась соответствующая современная литература. Так называемая “критика буржуазной социологии” пыталась удерживаться в русле европейской традиции, но в силу разных причин не могла воспрепятствовать утверждению обширных теоретико-методологических пространств, запретных для поискового и, по возможности, эвристичного в выводах анализа.

Новое табуирование проблематики классов произошло уже в последнее десятилетие. На первый взгляд, оно было следствием того, что марксизм перестал быть официальной идеологией, и это многими воспринималось и интерпретировалось как “крушение марксизма”. Но в действительности с теоретическими концепциями подобного ранга никаких крушений не происходит: крушения возможны в головах отдельных исследователей. Тем не менее в географическом пространстве бывшего СССР состоялось интеллектуальное и концептуальное охлаждение к марксизму, в которое оказались вовлечены многие прежние его приверженцы. Помимо всего прочего, это была еще и маргинализация крайне важной проблемы, которая формулируется примерно так: в какой мере классовый анализ остается в социологии релевантным способом анализа современного мира. Поскольку же “современный мир” представляет собой конгломерат хронологически разведенных социально-культурных миров — от высокого модерна (постмо-

дерна, третьей технологической волны) до раннего модерна, уместно сомневаться в степени применимости классового анализа к этим различным мирам. И совершенно очевидно, что разговоры о “среднем классе”, столь интенсивно ведущиеся в Украине и в России несколько лет подряд, если и имеют, то весьма косвенное отношение к классовому анализу в социологии.

К счастью, наши западные коллеги неотягощены комплексом неполноценности в связи с тем, что в историческое небытие отошел государственный социализм с централизованной экономикой, а марксизм перестал быть в Европе ценностно-нормативным обоснованием политических режимов. Именно они время от времени проводят обсуждения проблем, связанных с классовым анализом. Два из них прошли в 1996 году на страницах “Британского журнала социологии” (BJS, 1996, vol.47, № 1, № 3), причем второе всецело посвящено Д.Локвуду, одному из наиболее авторитетных социологов Великобритании, много внимания уделявшему проблемам интеграции и классообразования. Третий заочный симпозиум по классовому анализу проведен в 2000 году на страницах “Американского журнала социологии” (AJS, 2000, vol.105, № 6). В нем приняли участие известнейшие — иного слова тут не употребить — американские и европейские специалисты по этой проблеме, среди которых профессор социологии Гарвардского университета Ааге Соренсен [1], профессор социологии университета Висконсин Эрик Олин Райт [2], профессор Наффилд колледжа Оксфордского университета Джон Голдторп [3], профессор университета Броуна Дитрих Руншмейер и доцент того же университета Джеймс Махони [4]. Профессор Соренсен представил для открытого обсуждения свою статью “В поисках убедительного основания классового анализа”, а коллеги откликнулись на нее критическими замечаниями и представлением собственных точек зрения.

Постоянно задаваться вопросом об эвристическом потенциале конкретного понятия — рутинная часть исследовательского процесса в социологии. Социолог, другими словами, не ослабляет контроль за своими основными инструментами, пребывая в постоянном сомнении относительно того, можно ли еще поручать какую-либо работу этому понятию и какую именно работу ему все еще стоит поручать. Чтобы поспевать за изменениями социальной жизни, за ее модификациями или даже сменой способа ее восприятия и описания, социолог заботится и о совершенствовании своих инструментов, что в нашей научной литературе не совсем вразумительно именуют “уточнением содержания понятия”. Впечатляющая активность, проявленная нашими западными коллегами для восполнения исторически продуцируемого дефицита обоснованности понятия “класс”, — наиболее наглядное тому подтверждение.

В состоявшемся в США симпозиуме можно выделить как бы два плана. На переднем плане — дискуссия о неомарксистской трактовке классов. На втором, и гораздо менее отчетливом, — проблематика классов помещается в более широкий социальный контекст, обращение к которому позволяет уточнять социологически убедительную трактовку генезиса классов и социальной структуры общества в целом. Часть последующих рассуждений или прямо опираются на изложенное в этих статьях, или косвенно апеллируют к ним. Недавно вышедшая книга О.Куценко “Общество неравных” [5] избавляет от необходимости вводить в подробности современных дискуссий о “смерти классов” в постиндустриальном обществе, а также излагать методологические основания и особенности операционализации понятия

“класс” основными участниками этой дискуссии — Э.О. Райтом и Дж. Голдторпом.

Неомарксистское обоснование классового анализа

Для значительной части современных социологов, а также, безусловно, для тех, кто участвовал в заочном симпозиуме, классы являются элементом экономической сферы. Это очевидно для Маркса, об этом недвусмысленно говорит Вебер в известных фрагментах работы “Хозяйство и общество”. При этом трудно не признать справедливости замечания Соренсена о том, что постоянные ссылки на Вебера при обсуждении классового проблематики сколь традиционны, столь и необоснованны [1, с. 1527]. Нигде, помимо двух небольших абзацев, Вебер о классах не говорит; это понятие не входит в основной список концептов, используемых им в историко-социологических исследованиях. Можно даже сказать, что оно случайно в его словаре. В то время, когда Вебер писал эти фрагменты, сообщает там же Соренсен со ссылкой на конкретный источник, насчитывалось 16 дефиниций понятия “класс”, все принадлежащие немецким авторам. Но только Вебер был переведен на английский язык, что и возвело его в безусловный авторитет по данной проблематике в среде англоязычных обществоведов.

Согласно марксизму, а также Соренсену, понятие класс неразрывно связано с такими явлениями, как неравенство, антагонистические интересы, социальные конфликты и эксплуатация. Маркс, опираясь на современные ему экономические теории и развивая их, предложил теоретическую версию того, как возможны эти явления. В основании версии — трудовая теория стоимости. Суть в том, что труд создает не только стоимость, но и прибавочную стоимость. Монопольное присвоение прибавочной стоимости одним из участников производства материального богатства означает эксплуатацию, ведет к глубочайшему неравенству, формирует антагонистические, неизбежно вступающие в конфликт интересы и, главное, инициирует и поддерживает процесс классовообразования — формирования класса собственников (капиталистов) и класса не собственников (пролетариата, рабочего класса).

Однако современная нам экономическая наука дискредитировала и отвергла трудовую теорию стоимости. Если это так, — а для Соренсена и всех неомарксистов это так, — то слова “класс” и “эксплуатация” подлежат исключению из социологического и социально-политического лексикона в силу того, что отсутствуют основания для существования подобных явлений. Поскольку революции не случились в странах зрелого капитализма, поскольку тенденция абсолютного обнищания пролетариата присуща только ранним его стадиям, поскольку, наконец, тотальная экспроприация собственности и прибавочной стоимости в пользу государства оказалась дорогой в историческое никуда, постольку классовый анализ в его марксистской версии следовало вроде бы отправить в социологический архив. Если бы не одно, весьма важное обстоятельство.

Дело в том, что и в постиндустриальную эпоху неравенство в доходах не только сохраняется, но и увеличивается, как это происходило, скажем, в США и Великобритании на протяжении последних двух десятилетий. Иначе говоря, имеет место привилегированно одностороннее присвоение материальных и финансовых ресурсов (для марксиста — эксплуатация), а фак-

тически — воспроизводство классовобразующей ситуации. Но если не прибавочная стоимость, то что присваивается? Или, по другому, по поводу какого экономического ресурса в современных западных хозяйственных укладах формируются классовые отношения (отношения его неравного присвоения и неравного доступа к нему) и формируются сами классы — эксплуатирующие и эксплуатируемые? Вот вопрос, побудивший Соренсена к поиску надежного основания для неомарксистского классового анализа.

Собственно, предложенный Соренсеном ответ и стал предметом обсуждения на упомянутом выше заочном симпозиуме. Если коротко, то экономическим явлением, обуславливающим социальное неравенство, антагонистические интересы и отношения эксплуатации между классами, является рента, которую автор определяет как разницу между актуальной ценой товара или услуги, достаточной для покрытия издержек, и ценой его на рынке. Эта разница складывается, во-первых, в результате конкуренции, во-вторых, вследствие изначальной неполноты информации, в условиях которой взаимодействуют акторы на рынке, а также, в-третьих, в результате воздействия на цены отношений власти (доминирования, силы, влияния) между экономическими субъектами, и вклад в эти отношения могут вносить и нерыночные институты [1, с.1536]. Соответственно те, кто присваивает эту ренту, образуют эксплуатирующий класс, а те, кто не имеет к ней доступа, образуют класс эксплуатируемый.

Э.О.Райт расценил идею Соренсена как весьма плодотворную, развивающую неомарксистскую теорию класса. Вместе с тем он считает, что феномен эксплуатации не сводим исключительно к установлению контроля над процессом присвоения экономической ренты одним коллективным участником производства социального, символического и материального богатства. По его мнению, эксплуатация наличествует тогда, когда одновременно выполняются три принципа: а) принцип взаимосвязи благосостояний — благосостояние эксплуататоров возрастает по мере уменьшения благосостояния эксплуатируемых; б) принцип исключения — эксплуатируемые не допускаются к отдельным видам продуктивных ресурсов; в) принцип присвоения — недопущение эксплуатируемых к продуктивным ресурсам позволяет эксплуататорам использовать их труд и присваивать его результаты [2, с.1563].

Заведомо можно было предполагать, что поиски неомарксистского обоснования классового анализа окажутся не более чем просто любопытны для носителей иных образцов описания и интерпретации мира. И действительно, Дж.Голдторп, Д.Рушмейер и Д.Махони решительно отмежевались от такого понятия, как “эксплуатация”, и попытались обозначить свою принадлежность к иной теоретической перспективе, наметив общие контуры второго плана, связанного с притязаниями классового анализа в социологии на описание условий включения индивидов в экономику, а также объяснять социальные последствия, наступающие для них в результате принятия или отвержения подобных условий.

“Уровни теоретической амбиции понятия класс”

Непосредственный анализ происхождения и распределения экономической ренты, то есть анализ формирования классов, Соренсен предварил типологией понятия класс, или, в его формулировке — определением “уров-

ней теоретической амбиции понятия класс” [1, с.1525–1528]. Фактически же имеются в виду те предметные области, в которых “работа” понятия “класс” является социологически легитимной.

На первом, самом низком, уровне понятие класса употребляется как номинальная категория. В целях объединения индивидов в одну, более или менее гомогенную категорию, производится весьма рутинная классификация индивидов на основании какого-либо одного измерения стратификации: дохода, престижа профессий, социально-экономического статуса. Здесь класс не определяется на основании классовых связей, а о природе социального неравенства никто не спрашивает. Тем не менее такого рода классовый анализ полезен для описания и объяснения отличий в аттитюдах и образцах поведения.

На втором уровне класс используется для обозначения сообщества людей, для которых близкими являются некоторые элементы их положения в экономической сфере. Такое понятие Соренсен предлагает именовать “класс как условия жизни”. В середине прошлого века оно использовалось в исследованиях стиля жизни горожан [6] и предполагало учет не только отдельных аспектов стратификации, но и широкого круга условий жизни, включая образование, источники дохода, тип жилья и т.п.

Наиболее известной классовой схемой этого типа является схема Дж.Голдторпа [см. сп. лит. в: 5, с.87–199]. Сам же Голдторп говорит, что в разных странах она известна под разными именами: в Британии — как схема Голдторпа, в международном контексте — как схема EGP (Erikson–Goldthorpe–Portocarero) или как схема CASMIN (Comparative Analysis of Social Mobility in Industrial Nations Project). Последняя же новость состоит в том, что схема Голдторпа станет основой для новой социальной классификации, используемой официальной статистикой, и заменит собою Реестр общих социальных классов (Registrar General’s Social Classes), действовавший с 1911 года [3, с.1574].

Нередко эту схему именуют неовеберинской, но оснований для этого нет никаких, да и Голдторп отвергает подобную атрибуцию [3, с.1572–1573]. Подлинно же неовеберинский подход связан с идеей Вебера о “закрытии” классов, которое происходит тогда, когда классы приступают к открытой защите и всемерной протекции своих прав и привилегий, отчетливо эволюционируя в сторону образований, называемых статусными группами [7].

Третий и наивысший уровень теоретических притязаний понятия класс — структурная теория неравенства, определение классов в терминах эксплуатации. По Соренсену этот уровень как бы свободен от теорий и персоналий. Попытку Р.Дарендорфа определять классы в терминах власти [8] Соренсен считает неудачной, поскольку тем самым классы выводятся за пределы экономической сферы и становится совершенно непонятно, каким образом отношения власти способны инициировать антагонистические отношения в сфере экономики [1, с.1530]. Исследования же Райта, в интерпретации Соренсена, преимущественно эмпиричны.

Последнее не совсем верно, поскольку для Райта понятие класса абсолютно применимо на социальном макроуровне. Он еще в середине 90-х годов обосновывал представление об уместности применения понятия класс к широкому кругу социальных феноменов, в особенности же — к явным и латентным пружинам эмансипации людей и групп, что, в свою

очередь, невозможно без постоянной борьбы за пересмотр прежних способов и размеров распределения и размещения дефицитных социальных ресурсов, таких как богатство, вновь создаваемая стоимость и время [9, с.132–134]. Подобную эмансипацию с социологической точки зрения правомерно трактовать как конструирование и переконструирование институционального, организационного, символического, классового и поведенческого порядков, то есть как историческую эволюцию, движение истории.

Голдторп весьма скептически отнесся к претензии Соренсена на то, чтобы дать надежное основание всем разновидностям классового анализа, справедливо указывая, что вряд ли какая-либо, пусть даже убедительно аргументированная теоретическая концепция, способна эффективно функционировать на всех трех уровнях “теоретической амбиции понятия класс” [3, с.1573]. Ему явно не по душе подобная универсалистско-законодательная претензия, поскольку ее реализация не столько приводит к безупречным ответам, сколько порождает сомнения и новые вопросы. Он издавна считает себя представителем “классового анализа”, который далеко не тождествен теории классов, но лишь поставляет ей эмпирический материал, равно как и представителем либерального направления в классовом анализе, сосредоточивающемся на том, как в процессе индустриального развития формируются классы и воспроизводится неравенство возможностей [10, с.481–483].

Нескрываемый скептицизм Голдторпа имеет еще один аспект, который в данной дискуссии не обсуждался. В отношении любого понятия, а уж что касается столь амбициозного, как “класс”, то и подавно, уместно обозначать пределы его объяснительных притязаний. Применительно к структурным понятиям (понятиям “социальной структуры”) это предполагает наличие хотя бы общих соображений относительно того, в каких ситуациях применения понятия “класс” мы эмпирически зафиксируем различия, — что в данном случае эквивалентно “объяснению”, — а в каких подобных различий не окажется.

Зачастую исследователь исходит из того, что заведомо, из общих соображений, невозможно прийти к убедительным выводам. Только эмпирическое исследование устанавливает, состоятельны ли объяснительные претензии концепта “класс”. Как это делают, к примеру, Голдторп относительно объяснения образовательных достижений [10, с.487–505] и Райт, который провел в начале 90-х годов опросы и обнаружил, что в США и Швеции в семьях менеджеров и специалистов с высшим образованием и семьях рабочих мужья в одинаково малой степени вовлечены в домашнюю работу. Подготовив итоговый отчет под названием “О неэффективности класса относительно гендерного разделения труда в домашнем хозяйстве”, Райт выражает надежду, что это станет вкладом в прояснение ограничений, естественно присущих объяснительной способности данного социологического понятия [9, с.124]. Оба социологических авторитета, разумеется, всегда были далеки от мысли, будто понятием класс можно объяснить буквально все. Но им было очевидно, что перечень ситуаций, перед которыми оно должно отступить, пока невелик и открыт для пополнения.

Если говорить в более общем плане, то тут перед нами проблема соответствия того, что подлежит объяснению, и того, с помощью чего предполагается предъявить такое объяснение. Если иметь в виду исключительно структурное объяснение, то вопрос формулируется так: “Какая структура

(класс, слой, малая группа, сеть, совокупность формальных и неформальных конвенций) ответственна за то, что люди ведут себя, а события разворачиваются таким, а не иным образом?” Опыт исследователя позволяет производить только самую осторожную предварительную селекцию.

Первый шаг тут — тщательное определение ситуации, подлежащей описанию и объяснению. Подобное определение, согласно классической формулировке У.Томаса и последующему уточнению З.Баумана, эвристично: обладая потенциалом самоосуществления, оно организует исследовательскую работу. Однако окончательное слово остается за эмпирическим обследованием, ведь только тщательный анализ полученных результатов оставляет шанс на получение более или менее релевантных ответов на вопрос о структуре, обуславливающей поведение и взаимодействие индивидов и групп индивидов. Можно также, подобно Голдторпу и Райту, специализирующимся исключительно на классовом анализе, вновь и вновь подвергать испытанию объяснительные претензии понятия “класс”.

Поскольку степень соответствия объясняемого объясняющему может колебаться в довольно широком диапазоне, постольку исследователь всегда пребывает в сомнении относительно того, не является ли его объяснение слишком “грубым” и не существует ли более “тонких”. Управляющего правила здесь, видимо, нельзя указать. В силе остается лишь методологическое требование — повышать степень соответствия, призывая на помощь эрудицию, опыт, интуицию и научный, так сказать, вкус. Все это весьма редкие свойства и ресурсы, однако без них социолог бывает обречен на грубые и тривиальные интерпретации и заключительные констатации.

Будущее классов

Э.О.Райт точно подметил одно из основных противоречий концепции А.Соренсена. Последний утверждает, что экономическая рента, а с нею и эксплуатация, а отсюда — сами классы возможны лишь в условиях несовершенной капиталистической конкуренции. А вот если бы конкуренция была совершенной, то есть субъекты рынка владели полной информацией о состоянии дел у своих конкурентов и, основываясь на ней, принимали ответственные решения, а также если бы между ними не возникали отношения власти (доминирования и подчинения), то тогда бы цены производства и цены на рынке совпадали, никакой дополнительный доход не возникал и, следовательно, никакие классовые позиции не складывались. Капитализм с совершенной конкуренцией был бы бесклассовым обществом [2, с.1561].

По Соренсену, одной из успешно решаемых капитализмом задач является улучшение правовых, информационных, финансово-экономических условий, в которых происходит конкуренция. Непрерывно осуществляемая модернизация конкуренции означает, что классовая структуризация с течением времени становится все менее явственной. Как свидетельствует Голдторп, на одном из семинаров Соренсен подчеркивал тенденцию современного капиталистического общества к такому рода энтропийному упадку, говоря о превращении его в разновидность густого, но довольно однородного “неоклассического тумана” [3, с.1581].

Ни Райт, ни Голдторп не разделяют подобной точки зрения. Для обоих витальные способности капитализма вне каких-либо сомнений, равно как и

неубывающая релевантность классового анализа в современной социологии. Мир вовсе не упрощается, он, напротив, становится сложнее. Подобное сообщение социолог прочитывает единственным способом: для того, чтобы понимать, расшифровывать (“расколдовывать” — по Веберу) этот мир, социолог обязан прибегать ко все более изощренным объяснительным схемам. При этом “класс” не перестает быть внутренне-потаенной чертой структурной географии этого мира, а различия между нанимающими, самозанятыми и наемными работниками сохраняют свою социальную значимость.

Другими словами, различия в условиях занятости продолжают оставаться источником разного рода конфликтов по поводу того, что Соренсен называет рентой, а Голдторп предпочитает обозначать, говоря об источниках классового неравенства в возможностях доступа к жизненным шансам, социально-экономическим благам и ресурсам. Будущее, согласно Голдторпу, чревато новыми формами конфликта между наемными работниками физического и нефизического труда, с одной стороны, и классом служащих (менеджеров, управляющих) — с другой [3, с.1581].

Кроме того, модернизирующийся капитализм создает как новые различия внутри класса наемных работников, так и новые коллизии между ними. Социальная структура общества, в котором больше половины занятых работают в сфере производства информации и услуг, приобретает новое качество. Мануэль Кастельс из университета Беркли (Калифорния), в частности, говорит об обществе сетевых структур [11]. Согласно Кастельсу не только все общество, но и основные экономические агенты — фирмы и корпорации — организуются преимущественно не по иерархическому принципу, но по сетевому. Паутина — это интерактивное пространство, она отменяет вовсе, либо же основательно релятивизирует представления о центре и периферии, расстоянии и локализации. Благодаря этому сеть оказывается гибкой, саморазвивающейся и быстро самоорганизуемой структурой, с большой скоростью адаптирующейся к меняющимся условиям и столь же быстро иницирующей социальные и экономические изменения. И в то же время включенность в сеть или же исключенность из нее становится фактором, определяющим для конкретного агента возможности и условия его саморазвития, а также принадлежности к “современности”, как бы ее ни называть — модерном или постмодерном. При этом переход к сетевой структуре производства и управления вовсе не означает заката капитализма и не может поколебать его классовых оснований [12].

В информационную эру — эру доминирования информационных технологий во всех сферах жизни, утверждает Кастельс, складывается новая доминирующая профессиональная структура. Ее образуют три сектора: производство ценностей, производство отношений и производство решений. В каждом из производств аналитически выделяются функционально неоднородные позиции. В производстве ценностей это — стратеги, исследователи, интеграторы, операторы, обслуживающий персонал. В производстве отношений — продуценты сетей, позиции производства пользователей сетей, отключенные от сети. В производстве решений — позиции принимающих решения, участников принятия решений и исполнителей [13].

В информационную эру овладение или неовладение информационными технологиями не является предметом выбора. Невладение ими оказывается кратчайшей дорогой в андеркласс, имеет своим ближайшим след-

ствием закрытие жизненных перспектив и резкое понижение шансов на достойный уровень жизни. Это справедливо не только для развитых стран, но и для таких, как Украина. Даже тут привлекательная карьера уже на самом старте требует умения работать в Интернете, знания того, как использовать возможности персональных компьютеров и основных программных продуктов, не упоминая уже более сложных видов деятельности, связанных с разработкой порталов, веб-страниц и новых программных средств. Подобные знания и умения позволяют обоснованно претендовать на занятие хорошо вознаграждаемых позиций на рынке труда, успешно выдерживать конкуренцию и получать доступ к шансам реализации жизненных стратегий и планов.

В соответствии с доминирующим и, в то же время, весьма обоснованным и авторитетным мнением прогресс капитализма отнюдь не проблематизирует собственные институциональные и групповые основания. Институт собственности и обуславливаемая им классовая сегментация рынка труда представляют собой стабильный источник формирования различных интересов больших групп людей, а также генерируют конфликты, связанные с неравным распределением социально-культурных и экономических возможностей между этими группами. Поскольку распределение преимуществ и доступ к благам остаются неравными и неравномерными, постольку основной объясняющей схемой возникающих в современном обществе конфликтов и напряжений является именно классовая схема. Причем объяснять в данном случае значит устанавливать соответствия (зависимости) между классами и другими конститутивными элементами общества в виде социальных институтов, политической системой в целом и политическим действием тех, кто принадлежит к определенным классам (например, голосование на основе культивируемых политических убеждений и ценностей или оказание давления в виде манифестаций, забастовок и т.п.).

Таким образом, основным разделением любого общества социолог признает деление его на классы, их он разыскивает, их наличием объясняет особенности функционирования и эволюции институтов конкретного социума. При этом отчетливо осознается, что в докапиталистических обществах классовая система не была и не могла быть элементом сугубо экономического порядка [14, с. 61–62]. Равно как и то, что по мере эволюции капиталистического общества вновь и вновь воспроизводятся противоречивые, в терминологии Райта, классовые позиции и не происходит социальной редукции к биполярному классовому устройству.

Какой может быть социологическая концепция классов

Задача построения социологической концепции классов привлекательна хотя бы в силу необыкновенной сложности. И для социологии справедливо слова Беккета, адресованные живописи: “Лучшим, что в ней есть, современная живопись чаще всего обязана сознанию невыполнимости”. Заведомо невыполнимыми были социологические предприятия Маркса, Дюркгейма, Вебера, Парсонса и некоторых наших современников. В социологии, как мы теперь хорошо понимаем, остается только то, что получается в ходе именно таких предприятий. При этом функции критики сводятся к отысканию невыполнимостей и их артикуляции. Тем не менее, в

рамках статьи и в ближайшем будущем можно претендовать не более чем на по необходимости краткое обсуждение отдельных сюжетов и тем, имеющих прямое и косвенное отношение к концепции классов. Такие сюжеты и темы с большей или меньшей отчетливостью уже сформулированы, что и позволяет говорить если не о содержании, то о ясно обозначившихся контурах социологической концепции классов.

Причем именно так — концепции в единственном числе. В самом деле, исторически сложилось несколько подходов в классовом анализе: марксистский и неомарксистский, веберовский и неовеберовский, а также тот, который сегодня правомерно связывать с именем Голдторпа и группы его единомышленников, самые активные из которых работают в Великобритании [15]. Перед лицом разнообразных теоретических традиций естественно, на первый взгляд, начинать с обсуждения условий их сочетаемости, то есть с обсуждения возможностей разработки более или менее целостной концепции. При этом очевидно, что призывы избежать эклектизма и осуществить синтез к сути дела отношения не имеют.

Но разговор о возможности целостной концепции скорее уводит от цели, нежели приближает к ней: мнения столь противоречивы, что надежды на достижение конвенции бесконечно малы. Более перспективным представляется иной ход размышлений. В частности, имеется утверждение, относительно которого нет разногласий между участниками реферируемой дискуссии в “Американском журнале социологии”. Все они, пожалуй, сходятся на том, что классы всецело принадлежат экономической сфере или, как сказал бы Вебер, классы — это элементы экономического порядка. Таково никем не оспариваемое начало, исходный пункт, вовсе не гарантирующий неоспоримости возможных теоретических и операциональных импликаций из него. Отметим и наметим некоторые из них.

Во-первых, в качестве элемента экономического порядка классы предстают, прежде всего, как *классовые позиции*, определяемые в надличностных, надындивидуальных терминах, то есть безотносительно к качествам и свойствам индивидов, в принципе способных занимать подобные позиции. Особенности таких позиций обуславливаются, прежде всего, отношениями собственности, задающими дифференциацию на собственников и наемных работников, равно как и некие промежуточные состояния, а также, далее, рынком труда, определяющим характеристики условий занятости. Причем в последней четверти прошлого столетия усилиями Голдторпа и Райта предложены несовпадающие в деталях, но весьма релевантные операциональные определения классовых позиций, ставшие надежными эмпирическими инструментами изучения классов и мобильности.

Во-вторых, социологическая концепция классов как элементов экономического порядка должна быть одновременно концепцией *неравенства, классового действия, конфликтов и способов управления ими*. Дискурс о неравенстве в социологии развивается по двум направлениям. В первом внимание сосредоточено на морфологическом (структурном) моменте, когда фиксируется классовая структура и отыскиваются различия (неравенство) по тем или иным параметрам между принадлежащими к разным классам. Исследования Райта, посвященные неравенству позиций, являются здесь наиболее показательными. Второе направление, связанное, разумеется, с именем Голдторпа, принимая во внимание неравенство позиций,

выявляет неравенство в возможностях получения доступа к иным позициям, с которыми ассоциируются иной уровень и образ жизни, иные культурные привычки и предпочтения. В терминах Голдторпа это может быть концепция степени открытости общества, а также особенностей формирования классов и предпосылок классового (коллективного) действия, направленного на достижение более справедливого распределения между классовыми позициями жизненно важных благ и возможностей.

Говоря о концепции классов как концепции неравенства и конфликтов, следует иметь в виду еще два обстоятельства. Как известно, организация экономического порядка на основах частной собственности и конкуренции перманентно порождает новые различия внутри отдельных классов. Уже в марксизме было четко сформулировано различие между “ядром” рабочего класса (промышленные рабочие) и его периферией, между “передовым” отрядом и более отсталыми. У первых лучше были условия оплаты труда и более стабильное положение в обществе, они были более конкурентоспособны на рынке труда. Такого рода различия, как о том хорошо осведомлены социологи, корреспондируют со взаимно отличающимися установками, предпочтениями и политическими ориентациями. Бурдьё в таких случаях говорит о понижении шансов мобилизации разных категорий класса на коллективное действие.

Однако политический и экономический прогресс в истории очень часто оказывался продуктом конфликта внутри класса, обладающего властью. Энергетика становления английского капитализма подпитывалась длительное время неутрачиваемым конфликтом между традиционными обладателями земельных и торговых капиталов и быстро формирующимся во второй половине XVII и начале XVIII века слоем обладателей промышленного капитала. Это, замечает Хабермас, конфликт между имеющим обеспеченные позиции на рынке старым поколением и новым поколением, пытающимся ввести и установить новые высокодоходные сегменты рынка — мануфактурную и фабричную индустрию [16, с.57–58].

Только историческое исследование способно установить, в какой мере этот конфликт принимал форму политического конфликта между партиями тори и вигов. Любопытно, что этимологически это бранные, в современной терминологии стигматизирующие, слова, употребление каковых характерно для открытой фазы конфликта¹. В принципе же взаимосвязь экономического доминирования и власти сомнений не вызывает, поскольку в эпоху раннего модерна экономически доминирующий класс становится и политически доминирующим классом. Еще в вышедшей в 1845 году книге “Положение рабочего класса в Англии” Ф.Энгельс пишет, что под средними классами в Англии, а также во Франции и Германии понимают классы, находящиеся у власти. Более ста пятидесяти лет назад обладание государственной властью — наряду с обладанием собственностью — признавалось конститутивным элементом среднего класса [17, с.240]. Согласно та-

¹ Тори — слово ирландского происхождения (“вор”), было у англичан презрительным обозначением католика-ирландца, его перенесли на *партию короля*, которая настаивала на праве монарха определять наследника не обязательно протестантской веры. Виги — одно из значений “скотокрад, человек вне закона”, так называли оппозиционную партию, *партию страны*.

кому пояснению Энгельса, немецкое *Mittelklasse* в этой работе на русский переводилось как “буржуазия”. Сегодня несопряженность среднего класса и власти очевидна, что не опровергает состоятельности данного концепта в применении к конкретному месту и времени.

Современные структурные преобразования в экономике, как в том убеждают Кастельс и Райт, легитимизируют и новые отличия между наемными работниками, и новые неравенства в доступе к жизненным шансам и перспективам. Переструктуризация гетерогенности происходит также внутри класса собственников и нанимающих, поскольку источником богатства сегодня становятся информационные технологии, а самые богатые люди планеты связаны именно с этим бизнесом. Причем социолог в данном отношении остается исследователем, сохраняющим и культивирующим чувствительность как к различиям первого порядка — между классами, так и к различиям второго порядка — внутри классов. Таков единственный залог непопадания в ловушку гомогенности.

Еще одним существенным аспектом концепции класса как неравенства и конфликта становится вытеснение значительного количества людей за пределы социальной структуры общества. Марксизм связывал подобные процессы с периодическими экономическими кризисами, когда уволенные рабочие не находили работы и превращались в “излишних людей”: тех, кто лишен гарантированного статуса и отрезан от возможностей зарабатывать на жизнь. Любопытную зарисовку того, что сегодня можно наблюдать в городах Украины, находим у Энгельса:

“Счастливы те “излишние”, которые могут обзавестись ручной тележкой для перевозки клади... Большинство “излишних” прибегает к мелкой торговле вразнос. В особенности в субботу вечером, когда все рабочее население высыпает на улицу, видно, какое множество людей занимается этим промыслом. Бесчисленное количество мужчин, женщин и детей наперебой предлагает шнурки для ботинок, подтяжки, тесемки, апельсины, печенье, джинджер-бир и нетл-бир. Предметом торговли этих людей являются также спички и тому подобные вещи: сургуч, патентованные составы для разжигания огня и прочее” [17, с.321].

Современный капитализм в силу скорости технологического обновления практически всех видов производства также не гарантирует стабильной пожизненной занятости. И в западных обществах неоднократная смена профессии является уже правилом, которое оказывается для многих невыполнимым. Отсюда — относительно новое явление, зафиксированное социологами в середине 80-х годов: формирование так называемого андеркласса (*underclass*), класса исключенных из социальной структуры (из структуры доступа к имеющимся в данном обществе благам и возможностям). В той или иной мере обеспеченные ресурсами физического выживания, они не участвуют в конкуренции за шансы социальной самореализации [18].

В 80-х годах социологи приступили к изучению концентрации бедности во внутренних районах американских городов. Концентрация стала результатом вынесения производств в пригороды, перехода от индустрии товаров к индустрии услуг, а также массовой миграции среднего класса из городских кварталов. Так, бедные, ранее имевшие возможности контактов со средним классом (посылая детей в школы, которые поддерживались средним классом, посещая церкви, напрашиваясь в гости), оказались в изоляции: сузился круг их контактов и возможных брачных партнеров, они

выпали из неформальной информационной сети, по которой циркулировала информация о работе, они лишились и возможной поддержки со стороны более обеспеченных, протекции с их стороны. Образовались достаточно однородные “внутренние города” бедных, этнически или расово гомогенные гетто. Именно они проблематизируют гражданство в Америке, где большинство населения продолжает быть уверенным, что бедность в качестве причины имеет преимущественно личностные основания [19].

По мнению Р.Дарендорфа, андеркласс не создает классовых проблем, поскольку классы — это группы конфликта, преследующие свои интересы. Тут же перед нами те, кто как бы прошел сквозь ячейки классовой сети — той сети, которой общество модерна обещало захватить всех граждан. Это “новые излишние”, им не угрожает голодная смерть, ведь разные виды пособий позволяют сносно существовать. Они — просто жертвы, даже не первая ступень социальной лестницы, они вообще вне лестницы. При этом проблема андеркласса является проблемой гражданства, но не класса, проблемой равенства прав. Если западное общество, говорит Дарендорф, позволит 5% населения быть вне сферы действия равенства прав, оно должно ожидать, что сомнение в действенности заявленного принципа распространится по всей социальной материи. Более того, самим фактом существования андеркласса влияет деморализующе, незаметно подмывая устои либеральных и демократических практик. Поскольку андеркласс экономически бесполезен (он вне экономического порядка) и политически безобиден (он не способен на коллективные действия), он не востребуется бизнесом и не представляет угрозу власти. В таких условиях все труднее сохранять толерантность к нему, а значит и приверженность к либерализму в целом [20, с.15–16].

Однако, экономический порядок — это не только и не столько классы. Помимо классов его элементами являются собственность, рынок, эмпирически представленный разнообразием рынков, и рынком рабочей силы прежде всего, субъекты экономической деятельности в виде фирм и предприятий, а также технологии, которые мы можем понимать как разновидность материальной культуры, задающей как способы производства благ, так и образцы социального взаимодействия по поводу распределения и присвоения таких благ. Экономический порядок, следовательно, имеет институциональное (собственность, рынок), организационное (фирмы, предприятия), технологическое (информационные, индустриальные технологии) и классовое измерения.

Кроме того, все названные измерения *соотносительны* и находятся в отношении *соответствия*. Соотносительность и соответствие означают, что они предполагают друг друга и не подлежат определению вне взаимной соотнесенности. Чтобы класс был элементом экономического порядка, необходимо наличие собственности и рынка, а также промышленных предприятий, фирм и корпораций. Классам модерна и, если угодно, постмодерна, соответствуют, например, заводы и фабрики, но не соответствуют средневековые цеха. Институты собственности и рынка вместе с организациями задают условия доступа к позициям в экономической сфере, а значит и к возможности доступа к материальным, символическим и культурным благам.

Институты, организации, технологии и классы, таким образом, являются конститутивными элементами экономического порядка. Конститутивными в двояком смысле. Прежде всего, для их собственного индивидуального конституирования необходимы находящиеся с ними в отношении

соответствия все без исключения другие элементы. А далее: соответствующие друг другу институциональные, организационные, технологические и социальное групповые элементы образуют (конституируют) современный экономический порядок.

Принцип соответствия, первоначально выполняющий свою функцию только в пределах экономического порядка, по мере развития капитализма распространяется и на политический порядок. Точно так же, как институты собственности и рынка соответствуют классам эпохи модерна, им соответствует и партийная система, то есть партии как организации, репрезентирующие неодинаковые интересы и аспирации, укорененные в разных классовых позициях и культивируемые тут, а также как организации, легитимно претендующие на власть для реализации и отстаивания этих интересов и ожиданий.

Невозможно считать исторической случайностью развитие двухпартийных систем в обществах классического капитализма с их разделением на классы собственников и наемных рабочих. Имеется в виду, прежде всего, Великобритания, но также США, Канада, Австралия. Как хорошо известно, двухпартийная система не означает, что в этих странах всего две партии. Их там много больше¹, однако за власть конкурируют только две. И столь же неслучайным, как показал Т.Маршалл, является развитие института гражданства (института социально-политического равенства) в его соотносительности с классами и в противовес воспроизводимому социально-экономическому неравенству [21, с.91–96]. Классам, резюмируем, соответствуют элементы экономического порядка, но также партийная система представительства интересов и отправления власти, выборная демократия и институт гражданства в виде правил и образцов присвоения и отстаивания основных прав, обязанностей и свобод. Классы, иначе говоря, представляют собой совместимый с другими фрагмент сложного механизма, обеспечивающего, по Д.Локвуду, социальную, системную и гражданскую интеграцию [22, с.531–532]. Совместимость является условием формирования некоего трансинституционального единства, состоящего из экономического порядка (собственность, рынок, экономические организации, технологии), политического порядка (бюрократическая власть, государство и партии), а также социального порядка (права и свободы, гражданство, распределения престижа и признания).

В-третьих, концепция класса не может не быть концепцией социального класса. Вся история классового анализа указывает на невозможность локализовать классы исключительно в рамках экономического порядка или вообще в рамках одного из порядков. Классы социальны постольку, поскольку они находятся в отношениях соответствия с элементами прочих порядков. Наиболее убедительно о природе такого соответствия говорит, пожалуй, П.Бурдьё.

В воззрениях Бурдьё на классы много прямо вступающего в противоречие с изложенным выше. Достаточно напомнить, что базисным концептом его рефлексивной социологии является наполненное различиями и свойствами (социальными позициями) и спонтанно дифференцирующееся

¹ На политическом сайте в Интернете www.agora.stm.it/election/parties можно найти сведения о 49 партиях Великобритании, о 70 партиях США, 24 партиях Канады и 29 партиях Австралии. И нет оснований считать эти списки исчерпывающими.

социальное пространство. Кроме различий в нем ничего нет, а классы невозможно трактовать как его латентные структуры. Классы не даны и не заданы, они возможны в качестве конструкторов социологического воображения, и не более того. Отсюда известный тезис Бурдьё: “реальных” классов в марксистском понимании нет, классы существуют только на бумаге, а созидающим их инженером-конструктором выступает социолог.

Между тем отсюда не следует, будто социальный мир лишен какой-либо логики. Напротив, всегда налицо соответствие между тремя элементами, обуславливающими топологию социального пространства: *позиции* (места в пространстве) — *диспозиции* (габитус) — *практики* (выборы, осуществляемые на основе вкуса). Поскольку многомерность пространства обеспечена наличием разного вида капиталов, а свойства социальных позиций и способы распределения между ними ресурсов, возможностей участвовать в различных практиках и соответствующей компетенции исторически предопределены, постольку социальное пространство предстает как *поле* [23, с.1–13, 31–32]. Согласно Бурдьё, позициям в пространстве капиталов всегда соответствуют определенные установки и предрасположенности (диспозиции), равно как и доминирующие виды практик (стилей жизни). Именно соответствие, причем всегда устанавливаемое эмпирически и интерпретируемое всей совокупностью исторических, политических и культурных обстоятельств конкретной страны, позволяет говорить о социальных классах как таковых.

Весьма показателен в данном отношении пример, приводимый Бурдьё. В Японии наиболее активно участвуют в выборах наименее образованные женщины из сельских районов. Во Франции, как показал анализ отказа от ответов в предвыборных опросах, наиболее часто не отвечают женщины, наименее образованные и наиболее обделенные экономическими и социальными ресурсами. Отсутствие различия в уровне образования и существующее отличие в практиках (во Франции апатия, вызванная отсутствием средств производства политического мнения, оборачивается абсентеизмом, а в Японии принимает форму аполитического участия) указывают на еще одну проблему. Необходимо установить, какие исторические обстоятельства привели в Японии к тому, что консервативной партии, прибегая к особым формам клиентелизма, удастся склонять к участию в выборах тех, кто не обладает требуемой для такого участия социальной и политической компетенцией [23, с.3–4].

В-четвертых, концепция классов должна если не содержать объяснение исторического процесса в целом — претензия, которую очень трудно обосновать, — то, по крайней мере, предлагать краткую историю формирования классов и классовой идентичности. Поиск и обобщение обширного современного исторического и историко-социологического материала позволили бы документировать общие представления Вебера о взаимосвязи становления классов, процессов урбанизации, формирования национальных государств (капитализму тесно в рамках городов, он требует более широкого пространства) и особого типа личности — носителя протестантской этики [24, с.315–337]. Столь же очевидна, хотя нуждается в подтверждении фактами, взаимосвязь становления классов с укреплением парламентской демократии и утверждением многопартийной системы, с новыми стилями жизни в городах, с развитием сети коммуникаций (коммуникативного единства национальных государств в виде транспортной до-

ступности и средств массовой коммуникации в виде сначала прессы, а потом и электронных медиа) и, наконец, конституированием публичной сферы и феномена общественного мнения.

Социологическая концепция класса предполагает также очерк исторически постепенного конструирования классовой идентичности, того, что Маркс, помещая в несколько иной, преимущественно идеологический контекст, называл превращением “класса в себе в класс для себя”. После работы Б.Андерсона “Воображаемые сообщества” социологи имеют в своем распоряжении образец, практически готовый к употреблению: не только нации конструируются “институциональным воображением”, — то же самое происходит с классами. Классовые позиции возникают и утверждаются, но для общественности классы становятся реальностью после того, как занимающие эти позиции индивиды замечают, воспринимают и принимают подобную идентичность. С социологической точки зрения классы — это не только классовая позиция, диспозиции и практики, но осознанная и не отвергаемая индивидами закреплённость за этим комплексом со всеми вытекающими отсюда последствиями для их социального самочувствия.

Классовая идентичность, подобно прочим идентичностям, не является продуктом саморефлексии, индивидуального либо группового созерцания и соотнесения. Она — продукт широкого спектра социально-исторических обстоятельств, а также процесса признания или же непризнания со стороны значимых других, социальных институтов и организаций. При этом признание или непризнание может происходить в самых разных формах: через прямое и косвенное насилие или намеренное безразличие, предоставление привилегий или ограничение доступа к ним, вознаграждение или наказание, восхваление или порицание.

То, что формируется в ходе такого процесса, это: а) чувство собственного места, как о нем говорил И.Гоффман, фактически же способность отличать его от других мест; б) чувство социальной дистанции, то есть способность воспринимать и оценивать некое “расстояние” от иных мест в терминах жизненных шансов и возможностей; в) способность оценивать подобную топологию социального пространства в терминах справедливого и несправедливого. Тем самым классовая идентичность выступает как габитуализированная способность усматривать имеющиеся социальные различия.

Итак, классовый анализ остается живым направлением в социологической интерпретации социального мира. Нет явственных признаков того, что ситуаций, к которым приложимо понятие класс, становится меньше. Вслед за Бурдьё согласимся, что социологу отнюдь не обязательно изобретать классы в ходе изощренных эмпирических процедур, а также применения современных программ обработки данных. Это не главная его задача. Более основательная — противостоять тенденциям гомогенизации, в каком бы обличье они ни являлись. То ли в обличье “среднего класса”, поглощающего все различия и 80% граждан западных обществ со всеми присущими им различиями, или же в обличье глобализации и массового потребления. Противостоять для того, чтобы не утратить способность видеть и отмечать различия, в том числе и классовые различия.

Литература

1. *Sorensen A. B.* Toward a Sounder Basis for Class Analysis // *American Journal of Sociology.* — 2000. — May. — Vol.105. — № 6. — P.1523–1558.
2. *Wright E. O.* Class, Exploitation, and Economic Rents: Reflections on Sorensen's "Sounder Basis" // *American Journal of Sociology.* — 2000. — May. — Vol.105. — № 6. — P.1559–1571.
3. *Goldthorpe J. H.* Rent, Class Conflict, and Class Structure: a Commentary on Sorensen // *American Journal of Sociology.* — 2000. — May. — Vol.105. — № 6. — P.1572–1582.
4. *Rueschemeyer D., Mahoney J.* A Neo-Utilitarian Theory of Class? // *American Journal of Sociology.* — 2000. — May. — Vol.105. — № 6. — P.1583–1591.
5. *Кущенко О.Д.* Суспільство нерівних. Класовий аналіз нерівностей в сучасному суспільстві. Спроби західної соціології. — Харків, 2000.
6. *Warner W.L., Meeker M., Bells K.* Social Class in America. — New York, 1949.
7. *Murphy R.* Social Closure: The Theory of Monopolization and Exclusion. — Oxford, 1988.
8. *Dahrendorf R.* Class and Class Conflict in Industrial Society. — Stanford, 1959.
9. *Wright E. O.* Marxism after Communism // *Social Theory & Sociology. The Classics and Beyond* // Ed. by S. P. Turner. — Oxford, 1996. — P.121–145.
10. *Goldthorpe J. H.* Class Analyses and Reorientation of Class Theory: the Case of Persisting Differentials in Educational Attainment // *British Journal of Sociology.* — 1996. — September. — Vol.47. — № 3. — P.481–505.
11. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society, and Culture. — Oxford, 2000. — Vol.2.
12. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на западе: Антология. — М., 1999. — С.497.
13. *Castells M.* Toward a Sociology of the Network Society // *Contemporary Sociology.* — 2000. — September. — Vol.29. — № 5. — P.696.
14. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. — Stanford, 1990. — P.186.
15. См., в частности, обоснование в статье Адама Свифта отличия между нормативной и объяснительной перспективами классового анализа, а также представленный там же обзор дискуссии о классовом анализе в целом: *Swift A.* Class Analyses from a Normative Perspective // *British Journal of Sociology.* — 2000. — December. — Vol.51. — №4. — P.663–679.
16. *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. — Cambridge, 1996. — P.301.
17. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т.2. — С. 231–517.
18. *Wilson W. J.* The Truly Disadvantaged: the Inner City, the Underclass and Public Policy. — Chicago, 1987; см. также: *Marshall G., Roberts S., Burgoyne C.* Social Class and Underclass in Britaine and the USA // *British Journal of Sociology.* — 1996. — March. — Vol.47. — № 1. — P.22–44.
19. *Wilson W. J.* Citizenship and the Inner-City Ghetto Poor // *The Condition of Citizenship.* — London, 1994. — P.180.
20. *Dahrendorf R.* The Changing Quality of Citizenship // *The Condition of Citizenship.* — London, 1994. — P.180.
21. *Marshall T. H.* Class, Citizenship, and Social Development. — New-York, 1965. — P.365.
22. *Lockwood D.* Civic Integration and Class Formation // *British Journal of Sociology.* — 1996. — September. — Vol.47. — № 3. — P.531–550.
23. *Bourdieu P.* Practical Reason. On the Theory of Action. — Cambridge, 1998. — P.153.
24. *Weber M.* General Economic History. — New York, 1927. — P.401.